

В.В. Макушев

**Исследования об исторических памятниках и
бытописателях Дубровника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.В. Макушев**
Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника / В.В. Макушев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 452 с.

ISBN 978-5-4241-6270-1

Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Приложение к 11 тому Записок имп. академии наук №5

ISBN 978-5-4241-6270-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и Турціи; такъ, не выяснены еще его сношенія съ югославянскими краями и не обращено вовсе вниманія на внутреннія причины его паденія. Богатая дубровницкая литература извѣстна мало: масса произведеній дубровницкихъ поэтовъ, почти всѣ историческія сочиненія и большая часть, и притомъ важнѣйшихъ, памятниковъ юридическихъ хранятся въ рукописяхъ и частью извѣстны ученому міру только по слухамъ, частью даже вовсе неизвѣстны.

Мнѣ суждено было прожить въ Дубровникѣ почти четыре года (съ начала 1862 по конецъ 1865 года), въ теченіе которыхъ я собралъ большой запасъ матеріаловъ по исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики и не мало памятниковъ литературныхъ и юридическихъ. Къ великому моему прискорбію, я не могъ получить доступа въ дубровницкій архивъ, не смотря на ходатайство по этому предмету Императорскаго посольства въ Вѣнѣ, и долженъ былъ ограничиться библіотеками монастырскими и частными. Большую часть собранныхъ мною матеріаловъ я извлекъ изъ рукописей Францисканской библіотеки: здѣсь я нашелъ не только богатое собраніе произведеній дубровницкихъ поэтовъ, памятниковъ историческихъ и юридическихъ, но также цѣлыя фоліанты (Zibaldone Маттеи) выписокъ изъ архивовъ дубровницкой республики и монастырскихъ (въ томъ числѣ бенедиктинцевъ и доминиканцевъ, библіотеки которыхъ погибли въ 1806 году). Въ доминиканской библіотекѣ, гдѣ между прочимъ хранился нѣкогда автографъ лѣтописей Николая Раньины, нашлась только одна любопытная для меня, и то не полная, рукопись Червы. Въ іезуитской библіотекѣ не оказалось ничего для меня нужнаго. Изъ частныхъ библіотекъ я пользовался библіотеками книгопродавца Мартеккини, графа М. Пуцича, д-ра И. Казначича и бывшаго подесты Хр. Влайки. Кромѣ того я нашелъ

въ архивѣ нашего консульства нѣсколько документовъ, касающихся сношеній нашихъ съ Дубровникомъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I.

Кромѣ рукописей я пользовался и печатными книгами, изъ коихъ нѣкоторыя весьма рѣдки; я записывалъ также фамилныя воспоминанія и прислушивался къ народнымъ преданіямъ. Излишне прибавлять, что я перечелъ и общедоступныя изданія.

Количество собранныхъ мною матеріаловъ велико, но не вполне достаточно для основательнаго изложенія задуманной мною исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики: въ архивахъ Дубровника, Вѣны, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Турціи и даже Россіи находятся или должны находиться драгоцѣнные для меня матеріалы, въ ожиданіи возможности воспользоваться которыми я считаю небезполезнымъ обнародовать нынѣ критическій обзоръ имѣющихся у меня источниковъ дубровницкой исторіи. О существованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе не знали, о другихъ судили по голословнымъ отзывамъ компилятора Аппендини, и только весьма не многіе, и притомъ наименѣе важныя, были извѣстны ученому міру. Чѣмъ менѣе извѣстенъ и чѣмъ болѣе важенъ памятникъ, тѣмъ подробнѣе я говорю о немъ, и наоборотъ: этимъ пусть объявляетъ себѣ читатель тѣ неровности въ изложеніи, которыя онъ найдетъ въ моемъ трудѣ: говорить пространно о памятникахъ и сочиненіяхъ общеизвѣстныхъ или не важныхъ я считалъ лишнею потерею времени. Я долженъ присовокупить еще, что обращалъ вниманіе только на степень важности и достовѣрности источниковъ и пособій для изученія дубровницкой исторіи, оставляя въ сторонѣ всѣ посторонніе вопросы. Содержаніе памятниковъ неизвѣстныхъ я старался, гдѣ было возможно, излагать словами рукописей и сообщать изъ нихъ, по мѣрѣ возможности, выдержки для большаго ознакомленія съ ними читателей.

У меня имѣлась при этомъ еще другая цѣль — сообщить какъ можно больше матеріаловъ для изученія дубровницкой исторіи, а потому я не ограничился выдержками въ текстѣ сочиненія и въ примѣчаніяхъ къ нему, но также напечаталъ въ особыхъ приложеніяхъ самыя любопытныя отрывки изъ историческихъ произведеній дубровничанъ. Я не гоняюсь ни за остроуміемъ сближеній и выводовъ, ни за глубиною изслѣдованій: я ограничился существенно необходимымъ и полезнымъ для науки. Считаю необходимымъ также напомнить читателю, что настоящій мой трудъ составляетъ *введеніе* къ задуманной мною исторіи внѣшнихъ сношеній дубровницкой республики — введеніе, представляющее оцѣнку степени важности и достовѣрности имѣющихся у меня источниковъ. Легко можетъ случиться, что читатель найдетъ въ трудѣ моемъ промахи и пробѣлы; но пусть онъ помнитъ трудность моей задачи: о многомъ приходится мнѣ первому сказать слово.

Говоря объ источникахъ дубровницкой исторіи, необходимо было сказать и объ ученой ея обработкѣ; съ другой стороны, нельзя было не остановиться и на главныхъ, неудовлетворительно рѣшенныхъ или даже вовсе еще не возбужденныхъ, вопросахъ по исторіи Дубровника: такимъ образомъ необходимымъ дополненіемъ къ моему труду явились главы III и I, изъ коихъ одна составляетъ, такъ сказать, послѣсловіе, а другая введеніе къ нему.

Что говорилъ Карамзинъ въ свое время о русской исторіи, то я могу повторить о дубровницкой: «Еслибы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва-ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. . . . Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. . . .» По-

ставленный, по отношенію къ дубровницкой исторіи, въ то же положеніе, въ какомъ находился Карамзинъ по отношенію къ русской, повторю искреннія слова его: «могу по слабости желать хвалы и бояться осужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолубіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, еслибы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ т. е. сдѣлать дубровницкую исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей».

В. М.

22 Іюня 1867 г.

Г Л А В А I.

На берегу чуднаго Адриатическаго моря возвышаются на крутой скалѣ почернѣвшія отъ времени стѣны *Дубровника*. Съ вершины скалы стѣны спускаются въ ложбину и потомъ снова поднимаются на противоположную скалу: эта ложбина, образующая лучшую улицу «*Stradone*», была нѣкогда морскимъ каналомъ. Отъ «*Stradone*» поднимаются въ видѣ лѣстницъ по обѣ стороны боковыя улицы.... Южная, обращенная къ морю, скала начала заселяться уже въ половинѣ III-го вѣка епидавританами, бѣжавшими отъ нашествія варваровъ. Въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ вѣковъ заселеніе этой скалы шло, хотя медленно, но постоянно, и въ половинѣ VII вѣка, по разрушеніи Епидавра и Салоны, возникаетъ на этой скалѣ правильный городъ 4-хъ стадій въ окружности *Lausa* (*Castel di Lave* у дубровницкихъ лѣтописцевъ; въ послѣдствіи *Rausa* — *Rachus* — *Ragusa* ¹⁾). Равенство

¹⁾ Лѣтописцы и историки расходятся между собою въ показаніяхъ о времени основанія Дубровника; но ихъ разногласіа можно примирить, принявъ за основаніе сказаніе Константина Порфирогеннета (*De admim. Imp.* с. 29): онъ, безъ точнаго хронологическаго обозначенія, различаетъ четыре послѣдовательныхъ поселенія епидавританъ на мѣстѣ нынѣшняго Дубровника. По изслѣдованіямъ Серафима Червы (*In Sacram Metropolitim Ragusinam Prolegomena*. Cap. I. *Ragusinae urbis primordia* pp. 11—15, по рук. франц. библ. № 228), эти четыре поселенія епидавританъ относятся къ гг.: 258, 279, 548 и 638. Одновременно съ послѣднею колоніею епидавританъ поселяются въ Дубровникѣ салонитане, по разрушеніи ихъ города славянами. «*Hi cum Epidauris... novis constructis aedibus vicum ad 4 stadia extendentes in justii Oppidi formam redigerunt. Arcem insuper ubi nunc Virginis Aedes, quem D. Mariae Castellanae nuncupant... erexerunt*». Въ рукоп. франц. библ. № 312, стр. 185—186 чи-

всѣхъ гражданъ предъ закономъ и выгодное мѣстоположеніе привлекли сюда новыхъ поселенцевъ, бѣжавшихъ отъ варваровъ. Епидавро-салонитанскіе поселенцы принесли съ собою въ Дубровникъ уже готовую *римскую образованность* и начатки *христіанства*: въ половинѣ VIII-го вѣка здѣсь уже была *архіепископская кафедра* ¹⁾.

Къ концу VII вѣка относятся *первыя поселенія славянъ* между епидавро-салонитанскими выходцами: требинскій банъ Павлимиръ, возвращаясь изъ Рима на родину, щедро обдарилъ дубровничанъ за ихъ гостепрѣимство, увеличилъ и укрѣпилъ ихъ городъ, въ которомъ поселяются многіе изъ его спутниковъ на правахъ гражданства. Это случилось, по изслѣдованіямъ *Сев. Дольчи* ²⁾,

таемъ: «In un libro Serviano dove vi sono l'Epistole e li Vangeli che si leggono per tutto l'anno in Serviano, dopo poi pur in Serviano si legge così: «Neka se zna kada se počeo Dubrovnik graditi od grada Zaptata na 626 godišta Isukrsta na XKS.» и т. д. На этомъ показаніи останавливается Сев. Дольчи въ своей *De orig. Urbis Rag. diatriba* рукоп. франц. библ. № 251.—По общепринятому мнѣнію, Дубровникъ основанъ въ 656 году, когда была разрушена славянами Салона (*De imp. admin.* с. 29).

Что касается названія *Ragus*, то толкованіе Константина Порфирогенета (Λαῦ = praecipitium) правдоподобно. На изданномъ мною планѣ Дубровника XI вѣка читаемъ: *Rausa da Greci Λαοῦσα*.

¹⁾ *Chroniche di Ragusa di Giugno Resti* (рукоп. франц. библ. № 243, р. 11). Епидавритане были просвѣщены христіанскою вѣрою Ап. Павломъ, претерпѣвшимъ извѣстное крушеніе не у Мальты, а у Млѣта, какъ доказываетъ аб. Игн. Джіорджичъ въ своихъ *Ricerche anticritiche sul naufragio di S. Paolo. Venezia 1730*. Окончательное утвержденіе христіанства между епидавританцами народное преданіе приписываетъ св. Иларіону (365 г.).

²⁾ *De origine Urbis Ragus. diatriba*. Растичъ ошибочно относитъ это событіе къ X вѣку: *Chroniche* 18 — 19. О Павлимирѣ сохранился у Червы (*Prolegomena* сар. VI) отрывокъ изъ затерянной хроники Евсевія Кабоги:

«De Paulimiro Belo Illyrici Rege Urbis Ragusae Instauratore».

«Haud profecto incongruum esse existimo Paulimirum Regem Rhacusanorum Civium numero adscribere, etsi minime Natalium jure, at certe beneficii magnitudine, quod non solum illa adaequare, sed multo etiam superare certum est. Et quis non videt in hujus clarissimi viri opere magnanimi et religiosi Principis generosum et pium semel elucere animum. Qui Regium stemma, quo ortus erat non magis bellica virtute, quam et belli cognomen indiderat, quam pietate exornavit. Studio enim Optimatum Regni sui ad avita sceptrum capessenda evocatus, affinitate, quam parricidii scelus infecerat, jam merito extincta, postquam Scislavi patruelis impietas aliquandiu exulare fecisset, ex sanctitatis asylo Romae religione satis imbutus, pietati apprime studens, Roma sacra Martyrum pignora, ad Regni sui auspicia feliciter capessenda permissu Romani Pontificis asportat, nobilissimo frequentique illo suo comitatu egressus, et ubi primum navibus Dalmatiam appulit

въ 690 году. По случаю междоусобій, возникшихъ въ Боснѣ по смерти Павлиміра, его сторонники поселяются въ Дубровникѣ (717 г.) ¹⁾. Въ 1156 году много босняковъ изъ *лучшихъ и богатѣйшихъ фамилій* переселяются въ Дубровникъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ получаютъ *владельскія* права; банъ Баричъ, раздраженный отказомъ дубровничанъ выдать ему бѣглецовъ, вторгается съ большимъ войскомъ въ дубровницкія владѣнія и опустошаетъ ихъ; но разбитый Иваномъ Матвѣвичемъ Червою (Giovanni di Matteo Cerva) у Требинья, принужденъ заключить миръ, дозволить дубровничанамъ свободно торговать въ его владѣніяхъ и заплатить имъ военныя издержки ²⁾. Одновременно съ приливомъ новыхъ поселенцевъ изъ сосѣднихъ славянскихъ краевъ Дубровникъ увеличиваетъ свою территорію насчетъ славянъ: такъ въ 1050 году Стефанъ Крешиміровичъ, король Хорватіи и Далмаціи, даритъ дубровничанамъ Жупу (Breno), Гружъ (Gravosa), Рѣку (Ombla), и Затонъ (Malfi) ³⁾; въ 1080 году далматскій король Сплвестръ подарилъ имъ острова: Колочепъ (Calamota),

clarissimi facinoris aliquod emolumentum dare studens, ibi Ragusae Urbis, quam Epidauritani dirutae Patriae loco quamvis perexiguus initiis excitare moliti fuerant, Saracenicaeque vis progressum inhibuerat, felici omine instaurare aggressus est, arce editissimis rupibus extracta, ad tutelam et munimen Urbis, quam ad Epidauritanos suorum frequentia, qui se affinitate contingebant, satis excoluit: Senatui ex utrisque adlecto curam et horum procurationem tradidit. Aedibusque quas Protomartyris numini excitatas dicaret, exornat, Divorumque numine Sanctorum artuum depositione explevit, quibus et adhuc maxima veneratione memorabilis perdurat cultus, et ne quid tandem novae Urbi deesset, Episcopum Epidauritanum, motu Apostolicae Sedis, donat. Unde ferunt, et Principi memoriae (cui ob ingentia beneficia Conditoris detulere nomen) Aeri, cujus adhuc in venalibus usus, capitis expressam asservari effigiem».

¹⁾ Resti 20. Ser. Razzi, *La Storia di Raugia*. Lucca 1595. L. I., c. 3, p. 10. Всѣ лѣтописи единогласно относятъ первыя поселенія славянъ между эпидавро-салонитанскими выходцами ко временамъ Родослава Белла, но не согласны относительно вѣка, когда онъ жилъ (VI — VII в.). Нѣкоторые изъ лѣтописей различаютъ двухъ Родославовъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ началѣ VI, а другой во второй половинѣ VII вѣка: отъ деспотизма этого послѣдняго много босняковъ бѣжало въ Дубровникъ. Какъ бы-то ни было, въ концѣ VII вѣка мы находимъ уже здѣсь славянскія поселенія.

По единогласному показанію лѣтописей, въ 743 году прибываетъ въ Дубровникъ новая партія славянскихъ колонистовъ изъ Босны и съ Неретвы. Въ 872 г., по показанію списка Стулли, выселется въ Дубровникъ много боснійскихъ владетелей.

²⁾ Resti 58—62, Cerva Metropolis Ragus. 211—214.

³⁾ Cerva ibid. 119—123.

Лопудъ (Mezzo) и Шипанъ (Giurana)¹⁾; въ 1100 году король Бодинъ по духовному завѣщанію отказалъ кромскому монастырю долину Шуметь (Gionchetto)²⁾; въ 1151 году приобрѣтенъ островъ Млѣтъ (Meleda), а въ 1164 г. мѣстность Бѣло въ Жупѣ³⁾; въ 1310 г. жители острова Ластова (Lagosta) добровольно подчинились Дубровнику⁴⁾; въ 1333 году дубровничане купили отъ бана боснійскаго Пелешацъ (Sabioncello) и Стопъ (Stagno)⁵⁾; въ 1347 году Стефанъ Котроманичъ даритъ дубровничанамъ острова Александрію и Посредницу въ Неретвинскомъ залвѣ, а въ 1399 году Остоя Христичъ Приморье⁶⁾; въ 1410 году Дубровникъ приобрѣтаетъ острова Корчулу (Curzola), Хваръ (Lesina) и Брачь (Brazza)⁷⁾; въ 1419 г. дубровничане покупаютъ восточное Конавле у Сандаля Граячча, а въ 1429 г. западное Конавле у Родослава Павловича⁸⁾. Расширенная такимъ образомъ, территорія Дубровницкой республики⁹⁾ имѣла до 150 миль въ длину и до 15 въ ширину: масса народонаселенія была *славянская*; только въ городѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ жители были *греко-романскаго* происхожденія: то были или основатели

1) Cerva 153—154.

2) Въ ризницѣ бенедиктинскаго монастыря (основ. 1020 г. Resti 40) на островѣ Кромѣ хранилась еще во время Червы дарственная грамота короля Бодина, которую считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, такъ какъ она рѣшастъ сомнѣнія насчетъ эпохи, въ которую жилъ Бодинъ:

«In nomine Domini nostri Jesu Christi».

«Anno ab Incarnatione Domini Millesimo centesimo Indictione octava. Testamentum hoc firmum stabileque factum a me Dei gratia Bodino Rege ex loco qui vocatur Sanctum Martinum de Zoncheto, scilicet notum sit omnibus Nos dedisse illum et cum omne possessione tam de terris quam de vineis, quae pertinent ad eundem locum in Monasterio S. Benedicti, ita quidem ut licitum habeant monachi perfructu illum, et possidere perpetualiter absque contrarietate omnium nostrorum praesentium et futurorum, quod si quis contumax haec nostra statuta depravare nituerit, et aliquam molestiam vel vim inferre Monachis temptaverit, iram Omnipotentis Dei et maledictionem omnium Sanctorum incurrat. Et ego A. Abbas in Coenobio Sanctorum Martyrum Sergi et Bacchi (въ Скутари, гдѣ и погребенъ Бодинъ) per jussionem Domini Regis scripsi in praesentia Domini Petri Archiepiscopi et aliorum nobilium (*Metrop.* 159—160)».

3) *ibid.* 227—228. — 4) *Prolegom.* I. c. — 5) Resti 159. — 6) *Prolegom.* I. c. 7) Resti 275. — 8) *ibid.* 304—333.

9) Говоря о Дубровникѣ, мы употребляемъ терминъ *республика* вмѣсто *общины*, какъ у насъ принято, на томъ же основаніи, на какомъ мы называемъ Венецію и Геную *республиками*, — хотя этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе въ Европѣ съ XV вѣка, а до того времени употреблялись выраженія: *Civitas, Commune, Communitas*. Cnf. *Appendini* I, 162.

Дубровника — епидавритане и салонитане, или позднѣйшіе колонисты: греки и итальянцы съ начала XII вѣка и испанцы, кажется, не ранѣе XV в. (какъ въ самомъ городѣ, такъ и на Корчулѣ и Пелешцѣ). *Славянский элементъ*, не смотря на свою численную силу, долженъ былъ подчиниться вліянію нравственно болѣе сильнаго элемента романскаго и *только въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка сдѣлался господствующимъ*: только къ этому времени можно приурочить окончательную славянизацию Дубровника, вопреки общепринятому у насъ мнѣнію, что Дубровникъ ославянился уже въ X вѣкѣ ¹⁾. Такое мнѣніе ни на чемъ не основано: въ X-мъ вѣкѣ въ Дубровникѣ было еще мало славянскихъ поселенцевъ; расширение дубровницкой территоріи насчетъ славянъ начипается только съ половины XI-го вѣка; еще въ XII вѣкѣ, по свидѣтельству Вильгельма Тирскаго, въ Дубровникѣ говорили *по латыни*; только къ XIV в. относятся первыя попытки ввести славянской языкъ въ государственное управление; но съ одной стороны необработанность сербскаго языка, не могшаго еще въ то время выражать всѣхъ понятій романской образованности, а съ другой господство во всей западной Европѣ въ эпоху «возрожденія» латинскаго языка были причиною того, что эти первыя попытки остались безъ послѣдствій: въ 1472 году сенатъ постановилъ: «In arenghis Consiliorum nostrorum uti lingua Slava nequeant, nec alia, — nisi Latina-Ragusaea». Съ тѣхъ поръ латинскій языкъ господствовалъ почти исключительно (исключеніе допускалось только въ пользу итальянскаго языка) въ администраціи и наукѣ до самаго паденія Дубровника. Мысль о неспособности славянскаго языка къ выраженію понятій романской образованности до того укоренилась въ дубровничанахъ, что *во всей ихъ литературѣ нѣтъ ни одного ученаго сочиненія, писаннаго по сербски*: на сербскомъ языкѣ писали только проповѣди и стихотворенія. Изгнанный изъ науки и высшей администраціи, *сербскій языкъ держался въ областномъ управленіи и церкви*. Судопроизводство въ сербскихъ областяхъ Дубровника производилось на мѣстномъ языкѣ по мѣстному обычному праву (*usanze*); но только низшія должности были занимаемы мѣстными жителями, па

¹⁾ Майковъ, Ист. сербск. яз., 155. Пыпинъ, Ист. слав. лит., 110.

всѣ же другія были назначаемы кровные дубровницкіе властели (Cons. dei Preg. 8 Oct. 1485), а потому можно сомнѣваться, чтобы мѣстные законы были писаны на сербскомъ языкѣ: дошедшіе до насъ законники острововъ Ластова, Млѣта и Корчулы писаны по-итальянски; изданный же М. Баномъ сербскій списокъ законника Млѣта слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, считать переводомъ (частнымъ, а не официальнымъ) итальянскаго оригинала, изданнаго Венцелемъ, а также находящагося въ рукописи Франц. библ. № 951. Славинскій языкъ, по словамъ извѣстнаго дубровницкаго ученаго, Маттеи (*Zibaldone* № 267), былъ въ употребленіи при богослуженіи еще въ его время по деревнямъ, а въ страстную недѣлю даже въ самомъ Дубровникѣ: «*Quin Latina lingua ritusq. Latinus in Liturgia perpetuo Ragusii ab ipsa Urbis conditione in usu fuerit, nihil nos sinit ambigere. At tota in ditioe per partes paulatim a Ragusinis acquisitas, et ritus Graecus et Slavica lingua erat in rebus Sacris recepta; novorum deinde dominorum studio, et Minorum fratrum industria et labore utrumque cum patarenorum et graecorum erroribus antiquatum. Visuntur adhuc plures Ecclesiae graecanicae constructionis formam praeferentes, vel dirutae, ut Gravosii Ecclesia SS. Cosmae et Damiani, in Vitaglina ad Rizonicum sinum sub colle ipso cujus est mater Ecclesia.... visuntur rudera Ecclesiae Slavicae quam appellabant.... et Monasterii Calugerorum.... vel adhuc supersunt integrae et ad usum Latinum traductae, ut in Stagni vicinia Ecclesia SS. Cosmae et Damiani, et illa Deiparae in Campo «Gospa od Polja» et alibi complures (p. 11) — In ipso ad occidentem suburbio (Пилле) erat olim Ecclesia Graeca, in qua Slavice Divina peragebantur officia.... Ut aliquid tamen plebis pietati indulgeatur *vetustissima consuetudine introductum et observatum est, per Majorem Hebdomadem in solemni Missarum officio Passio D. N., Epistolae, Prophetia, impropria, et si quae in ipsius etiam Urbis quibusdam minoribus Ecclesiis, Sancti Nicolai de Annona videlicet, B. M. de Monte Carmelo, Omnium Sanctorum sive S. Domini, Transfigurationis et Monialium, Lingua Slavonica Bartholomaei Cassich e S. J. ad Ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata, cantantur. In pagis porro per totius anni cursum omnibus diebus Dominicis et aliis Festis praecep-**